

Человек, который верит в любовь

Галина Смирнова

12.30 погожего весеннего дня. Московский театр «Современник». Долговязый Гармаш выбрался из машины и направился к служебному входу. Я ускорила шаг: «Сергей!» Оборачивается. Улыбается. Мы все-таки встретились, хоть и не с первой попытки. Оно и понятно: Гармаш – человек занятой. Один из ведущих актеров знаменитого театра, выходит на сцену «Современника» в пяти спектаклях: «Балалайкин и Ко», «Мурлин Мурло», «Еще раз о голом короле», «Вишневый сад», «Карамазовы и ад». Плюс к этому – антрепризный спектакль «Лунный свет, медовый месяц» в театре у Михаила Козакова. И в кино Сергей Гармаш – один из самых популярных и востребованных актеров. Репетиции, спектакли, съемки, озвучание – и так далее через запятые: Гармаш движется вперед на крейсерской скорости. Три дня назад он играл спектакль в Мюнхене, а вечером умчится на «Стреле» на съемки в Петербург. 4 июня вечером – «Мурлин Мурло», а 5-го его уже ждут в Сочи на «Кинотавре», и не просто так...

– На «Кинотавре» состоится премьера нового фильма Валеры Тодоровского «Любовник», где я снялся с мэтром российского кино Олегом Ивановичем Янковским. Недавно закончил съемки в 4-серийной картине у Владимира Хотиненко «По ту сторону волков». Это детективная история, происходящая в 1946 году. Сейчас еду в Петербург к Дмитрию Месхиеву, который впервые снимает сериал. Это сегодняшняя, 2002 года, «Москва слезам не верит». Мы с Ирой Розановой играем па-

ру, приехавшую из Чечни. Я – полковник, который находится в состоянии амнезии после взрыва. Параллельно занимаюсь озвучанием «Каменской-2».

Гризерка крохотная – на двоих. Закуриваем. Спускаемся в актерский буфет за растворимым кофе. Возвращаемся. Снова закуриваем. Не могу отделаться от ощущения, что человек, сидящий напротив, не любит, не хочет и не будет говорить о себе.

– Вы закрытый человек?

– Не-а. Не бойтесь, я не закрытый. Но к журналистам, как и большинство актеров, отношусь с опаской. Мне кажется, что людей, любящих свое дело, в вашей профессии крайне мало. И это не потому, что каждому второму трудно быть Познером или Минкиным, а из-за неаккуратности: на фотографии изображен один человек, а подписана она фамилией другого... Я уж не говорю о том, что я почувствовал, когда газета «Жизнь»

опубликовала фотографию Наташи Гундаревой с забинтованной головой. Они называют себя папарацци. Они не папарацци, а српапарацци. Продаются за 30 сребреников. Писали ли про меня вещи, которые не происходили в действительности? Писали. Боюсь ли я этого? Не боюсь. Никто уже не боится желтой прессы. С чего вы взяли, что я закрытый человек? Да, если вы спросите меня про личную жизнь Волчек, то я – закрытый человек. Про то, какие трусы носят Ахеджакова и Яковлева, – я закрытый человек. Если вы спросите меня про пороки моих коллег, – я закрытый человек. Но вы можете спросить меня про мои пороки, и тогда я – НЕ закрытый человек.

«Вот с этого места, пожалуйста, поподробнее...» – пытаюсь отшутиться я, но Гармаш уже выключил свою ослепительную улыбку.

– В свое время у меня были довольно серьезные проблемы с алкоголем, которые мне приходилось ре-

шать. На сегодня я вроде бы с ними справляюсь. Я достаточно часто вел себя отвратительно в смысле поведения вот в этом театре и доставлял много неудобств Галине Борисовне Волчек... («Надо бы его остановить, – судорожно думаю я. – Но как это сделать? Сама напросилась».) Я не приезжал на репетиции, уходил со спектаклей, за что был неоднократно наказан. Надо отдать должное Галине Борисовне, она многое мне прощала. И вообще я многим ей обязан. Если вас конкретно это интересует... (Уже хочется провалиться сквозь землю, но я еще держусь.) Так с чего вы взяли, что я закрытый человек? Может быть, у вас сложилось ощущение, что я с трудом соглашаюсь на интервью? Знаете, есть артисты, которые снимаются не в кино, а в журналах... И получается, что на страницах газет и журналов у них гораздо больше ролей, чем в кино и театре.

– У популярного артиста есть особая привилегия: возможность поделиться своими мыслями с миллионами людей. Вас это привлекает?

– Вы знаете, мне это не свойственно. Мне не хочется выкрикнуть: «Граждане, давайте прекратим это безобразие в Чечне!» Хотя я считаю, что это безобразие и что это нужно прекратить. Я думаю, что высказываться нужно тем языком, который возмущает действительность. Хирург высказывается своим скальпелем, политик должен высказываться каким-то удивительнейшим законом, за который народ будет благодарить его, а я, выходя на сцену в спектакле по Достоевскому, должен сыграть так, чтобы хоть один молодой человек из восьмисот сидящих в зале понял, что не все дозволено на этой земле. А философствовать на тему жизни и профессии мне неинтересно, по крайней мере сейчас. Может быть, когда-нибудь, когда я, никому не нужный, буду сидеть на даче в маразме (а так оно и будет, потому что это жизнь и никуда от этого не денешься), вот тогда можно будет взять и написать что-нибудь. И, может быть, кто-нибудь из друзей почитает и посмеется...

– А вы допускаете, что ваши зрители просто хотят знать ваше мнение по тысяче частных вопросов, потому что вы внушаете им доверие?

– А я и говорю, что думаю... Что вас интересует? Политика? Нет? Искусство? То, что происходит в искусстве, – тоже цирк. Например, к нам приезжают Риччи Блекмор, Пласидо Доминго или Монтсеррат Кабалье, звезды мирового масштаба, а количество афиш,

Его мечта

